

Николай Семёнович Лесков

Литератор-красавец

Николай Лесков
Литератор-красавец

«Public Domain»

1867

Лесков Н. С.

Литератор-красавец / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1867

В. П. Авенариус (1839–1925), повести которого «Ты знаешь край?» посвящена статья-рецензия Лескова, в 60-е годы был известен как автор антинигилистических повестей «Современная идиллия» и «Поветрие», изданных в 1867 году отдельной книгой под общим заглавием «Бродящие силы». Разоблачая аморализм, невежество, убогость и пошлость литературных приемов Авенариуса, Лесков способствовал дальнейшему и полному развенчанию этого представителя литературной реакции 1860-х годов.

Николай Семенович Лесков

Литератор-красавец

*Быть так Чуриле сам господь повелел.
Былина о красном Чуриле Оплениковиче.*

Перед нами литературное явление такого оригинального свойства, что его совершенно неудобно не заметить и почти преступно пройти молчалием.

С литературой нашей в последнее время поступали часто весьма странно: с ней обращались как с орудием партий, как с лавочкой, в которой выгодно торгуется тем или другим товаром, но с ней еще никто никогда не обращался как с средством рекламировать перед публикою стройность своего стана, эластичность своих мышц, блеск голубых очей, свое остроумие, великое обаяние своих талантов, свою храбрость с мужчинами и свою непобедимость у женщин. Но дошло, наконец, на днях и до этого: в русской литературе явился богатырь совершенно непобедимой красоты и столь же совершенно непобедимого бесстыдства. Этот литератор – красавец Чурила Опленикович, называется господином Авенариусом и рекламирует себя во «Всемирном труде», издающемся в *Болотной улице*, в Петербурге.

Для того чтобы похвалиться перед всеми своим ростом-дородством, лицом-красотою, медовыми речами и соколиными глазками, этот находчивый литератор сочинил такую басню (мы говорим: *сочинил*, потому что нам все-таки не хочется допустить, что развязный литератор хвастается тем, что с ним в самом деле случилось).

Приехал будто красавец Авенариус в Сорренто, ходит он по Сорренто с мальчишками, которые просят у него мелкую монетку; а он им рассказывает, что он «сыт на свой счет: книжки пишу и за них мелкую монету получаю». Потом он «усмотрел в горах молодого живописца, которого шутя называет преемником Сальватора-Розы и не шутя делает его дурачком, способным только «нашлепывать пятно около пятна». Зная лучше этого преемника Сальватора-Розы и секреты колорита и правила перспективы, Авенариус дал итальянскому художнику несколько советов, по которым тот его признал за живописца, а он, Авенариус (бич нигилистического нахальства), в благодарность за этот комплимент прямо посоветовал живописцу «рядом с искусством для искусства заняться делом по той же части более хлебным, как-то: малеванием вывесок да, пожалуй, раскрашиванием стен».

Однако оказывается, что столь нигилистически оборванный литератором Авенариусом итальянский художник был не совсем круглая бездарность, ибо в числе его произведений нашлась головка, обворожившая самого Авенариуса. Авенариус стал просить художника «свести» его с итальянкой, с которой написана эта головка, а художник сам влюблен в нее и отговаривается.

– Познакомиться-то с нашими барышнями, – говорит он писателю Авенариусу, – при счастии, пожалуй, иностранцу и можно, да *испытать на себе их страстность* – шалите! Как хвостом ни виляйте, не удастся: не полюбит вашего брата.

– Да разве и между нами нет молодцов из себя? – сказал в ответ на эту грубость г. Авенариус.

– Как не быть: *хоть бы вы, например?* – отвечал красавцу Авенариусу итальянец.

В самом ли деле г. Авенариус так хорош, как он себя хвалит, мы этого не знаем; но полагаем, что он, вероятно, красоты замечательной, ибо человеку обыкновенной наружности чужестранец такой любезности наверно бы не сказал, и лучшее тому доказательство – недавний случай с сотрудником «Московских ведомостей» г. Георгиевским, которого туркофил Лонгворт нарочно поставил лицом к лицу против хорошо сложенного турка и сделал между ними двумя сравнение довольно невыгодное для России, имевшей, к несчастью, на этот раз своим представителем не бойкого г. Авенариуса, а скромного г. Георгиевского.

Но возвратимся к нашей истории.

Въедаясь далее в фабулу повести, г. Авенариус рассказывает о своей хитрости, как он выпытал у художника, кто именно оригинал его головки, а затем уже наступает и самая любовная басня. Там, в Сорренто, живет богатый и очень жадный итальянец, у которого была красавица дочь Анджелика, которая, собственно, и есть оригинал известного нам портрета. Г. Авенариус, пленясь портретом этой девочки, еще более пленился ею самою и вздумал ею признаться. Для этого ему надо было устроить свидания с нею, и он их себе и устроил, и устроил самым оригинальным и притом самым простым образом, делающим большой комплимент его находчивости. Он явился к ее отцу и условился с жадным богачом платить ему по четыре франка за каждый час, проведенный в его продажном доме, и во время этих посещений беседовать с его дочерью. Не забудьте – только беседовать, более красивому Авенариусу, впрочем, ничего и не нужно: в остальном он рассчитывал во всем на свои внешние и внутренние достоинства, из-под влияния которых, как видно, женщинам черт знает чего стоит вырываться. У Анджелики, конечно, были и другие адораторы: этот самый живописец, про которого выше рассказано, и франт, фабрикант Сантакроче. Оба эти поклонника Анджелики начали свои ухаживания за нею гораздо ранее г. Авенариуса; но это такому бойкому и обаятельному красавцу, каков г. Авенариус, также ровно ничего не значило. Живописца, как мы видели, он смял, стигостил и подобрал под себя с первой же с ним встречи, когда посоветовал ему идти в малярию; а другого, фабриканта Сантакроче, обуздал своим значением. «Мой итальянец (Сантакроче), – рассказывает г. Авенариус, – имел дело с литератором (на лбу, что ли, это у г. Авенариуса написано?), с корреспондентом иностранной газеты, который печатным отзывом своим мог принести ему как пользу, так и вред».

Г-н Авенариус, как надо полагать, всем рекомендовался литератором – и нищим итальянским мальчишкам, и фабрикантам, и своей Дульцинее; но зато ему и повезло с самого первого шага: сам старик, отец Анджелики, и два ее ухаживателя – все сразу поняли и оценили важное значение г. Авенариуса в Италии и в России и держали себя с ним как нельзя деликатнее.

Получив доступ в сад жадного богача, продавшего г. Авенариусу свидания с своей дочерью, наш литературный Чурила Опленикович «окрыленным мотыльком порхнул», «весело подпевая: *не любить – погубить значит жизнь молодую*, сорвал на лету свежий портагал и стал отдирать с него оболочку». Тут является Анджелика, научает его есть апельсины и объявляет, что она в день «уплетает» этих плодов «десятка три». Говорит эта Анджелика ужасно, не хуже любой Матрены или Федосьи, но, вероятно, таков уже странный язык ее был. Потом она учит Авенариуса брать аккорды на фортепьяно и думает, что г. Авенариусу в самом деле есть чему у нее поучиться, тогда как г. Авенариус не только хороший писатель, но и хороший музыкант и нарочно лишь прикидывается неумехою; но зато эта невинная хитрость нашего Чурилы заставляет простушку Анджелику довольно близко нагибаться к нему; а он, пользуясь ее близким присутствием, не будь промах, да и влепливает ей на ее ручки одну безешку, а она его за это называет «поганым русским». Г-н Авенариус знает, что такая брань на вороту не виснет, делает дальнейшие шаги. В другой раз он, «подскочив к роялю, присел и затянул арию «Сжался» из «Роберта». Анджелику удивило, что этакий «поганный русский», как г. Авенариус, в то же время такой великий музыкант, а он «продолжал арию и довел ее громовым голосом до конца» и «был готов расцеловать Анджелику». Наконец у г. Авенариуса с Анджеликой завязывается любовь, которой никто не мешает: отец потому, что ничего, кажется, не видит, да притом, вероятно, и чувствует важность значения г. Авенариуса, как русского литератора, а живописец потому, что признает г. Авенариуса *молодцом* и знает, что с ним у женщин не потягаешься. Тут, на этой свободе, наш Чурила Опленикович влюбился как кот, и в его «наэлектризованную душу стали сами напрашиваться *звучные рифмы*», которые он, по скромности, его отличающей, так-таки и называет не более

как только *звучными рифмами*. Но хитрый красавец и этим не ограничился: он знает, что женщину не доедешь одним стихотворством, и пускает в ход еще одну любовную хитрость: он равнодушествует с Анджеликой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.